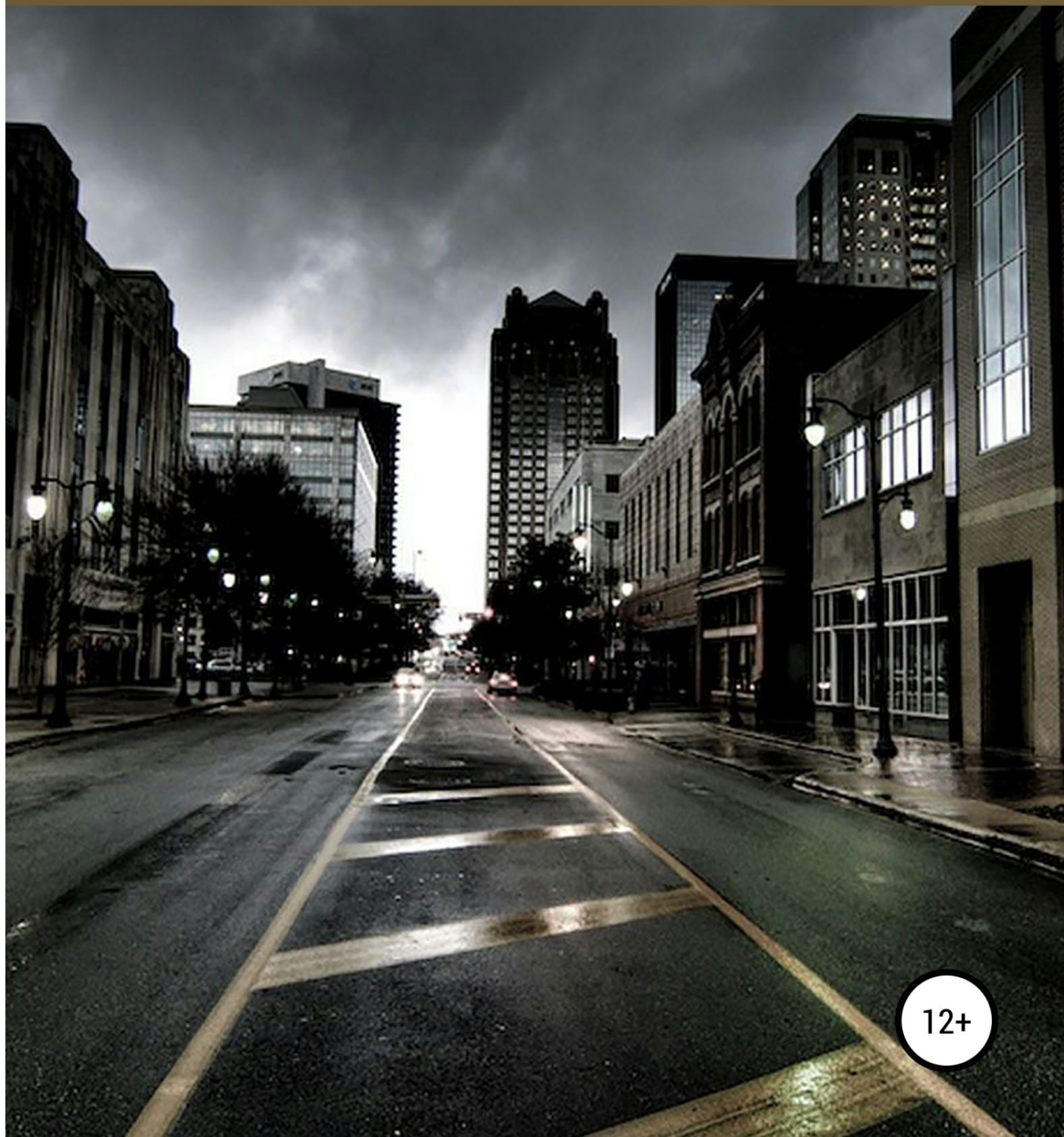

Лиса Фарова

*Грибник с нашей
заброшки*

12+

Лиса Фарова

Грибник с нашей заброшки

«Автор»

2020

Фарова Л.

Грибник с нашей заброшки / Л. Фарова — «Автор», 2020

Никитка, 11-ти летний мальчик, который замкнулся в себе из-за развода родителей. Вместе со старшим братом его отправляют к бабушке в деревню. Их дом находится на окраине улицы, рядом с заброшенной военной частью. Никита начинает замечать странности, гуляя с собакой по заброшенной территории. Однажды ночью у него пропадает брат, и он отправляется его искать. Предстоит тяжелая ночь. Ему придется преодолеть собственные страхи, чтобы выволить брата из лап призрачного грибника.

© Фарова Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Никитка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Лиса Фарова

Грибник с нашей заброшки

Никитка

Моя собака по кличке Альфа, как сумасшедшая, мчит меня за собой по обочине и направляется к березовым посадкам. По пути она успевает попробовать на нюх скошенную кем-то траву, на предмет какой-нибудь живности в ней, вроде мышей. Я гуляю с ней каждый день, но она все равно не хочет признавать команду «рядом». Альфа помесь хаски и лайки, рыжая, как лиса, а если песню с ней затянуть заунывную, то воет, как стая волков. В данный момент она тащит меня за собой, а я пытаюсь с ней совладать.

– Альфа, фу, нельзя, Альфа, – командую я ей, как можно более жестко, но мой писклявый голос вряд ли кажется ей убедительным. – Рядом, Альфа, – кричу я и бегу за ней, держась за поводок.

Кто кого выгуливает, непонятно. Но если бы не Альфа, у бабушки не было бы шансов выпроводить меня на улицу в эти прекрасные летние вечера.

Меня зовут Никита. Мне одиннадцать лет. Через две недели разведутся мои родители. Может, оно и к лучшему. Я, конечно, люблю и маму, и папу одинаково. По отдельности это замечательные люди: любящие, понимающие, культурные, но вместе они невыносимы. Трудно поверить, что они когда-то любили друг друга, как говорят. Последние три года папины приезды из Москвы мы с братом Артемом ждали, как нечто ужасное. Это однозначно скандал к концу дня, пара разбитых тарелок, телефонов, дверей, мамины слезы и папино успокоительное – бутылка водки. Артем научился не реагировать на эту закономерность, я – нет. Я запираюсь с мамой в комнате и прошу ее не выходить, не говорить с ним, чтобы не было хуже. К папе я подходить боюсь, он меня пугает в такие вечера. Мама говорит, что ему не нужна семья, что он только говорит о том, что ему нужна семья. На самом деле ему в Москве очень хорошо без семьи. Он привык жить так, как ему вздумается. Существует он и то, что ему вздумалось. Мама же здесь, в Саранске, живет так, как считает правильным. Готовит то, что нам нравится, смотрит, что нам нравится, гуляем мы там, где нам нравится. Все у нас хорошо, когда папа на работе. Но проходит месяц, и начинаются мучения. Днем мама на работе, с папой у нас днем все замечательно: мы играем в дарц, шахматы, компьютерные игры, гуляем, готовим – он веселый и озорной папа. Но почему-то вечером папа взрывается. Ему не нравится, как и что мама говорит, как мама смотрит, даже, если ничего плохого не сказано и не сделано. Начинаются взаимные оскорбления, даже порой рукоприкладство.

Настал июнь. Начались каникулы. Нас с Артемом отправили к бабушке с дедушкой в Лямбиль. В Лямбилье, на окраине улицы, рядом с полями высится двухэтажный дом Рамаевых. Большой дом из красного кирпича с мансардой. На втором этаже живем мы с Артемом каждые каникулы. Артему исполнилось четырнадцать недель назад. Он считает себя взрослым крутым парнем, дружит с ребятами старше себя. Меня всегда он поддевает, принижает – поднимает авторитет на моем фоне перед друзьями. Мне обидно. Я терплю.

У меня отношения с друзьями не складываются. Я пытался дружить с мальчишками моего возраста, но они считают меня странным. Может потому, что нечаянно проехал на велосипеде по ноге младшей сестры Рамиля. Правда, нечаянно. Может, потому что, когда играл с мальчишками в футбол в первый раз в жизни, не рассчитал удар и зарядил в лицо Карима футбольным мячом. В общем, они начали избегать меня или задирать, или кидаться в меня землей. Я больше не хожу к ним играть. Мои друзья остались в городе. Там у меня есть один хороший друг – Саня Дудкин. Мы с ним дружим с детского сада. Про нашу дружбу еще садике

говорили: «необыкновенная». Нас называли – двое из ларца. Нет Саши – Никитка чуть ли не плачет, нет Никитки – Саша грустит. Но если они оба в саду, держитесь все. Садик на ушах стоял. Наша дружба не кончилась даже, когда Саша переехал через две улицы и пошел в другую школу. Даже когда его родители запретили ему дружить со мной из-за того, что он стал пропускать занятия каратэ. А каратэ он занимался уже три года и занимал места на соревнованиях. Я тоже ходил в каратэ, глядя на друга, но моего энтузиазма хватило только на три занятия. Дальше я пристрастился к компьютерным играм: «Brawl Stars», «Free faer», «Call of Duty», « Splinter Cell» – в общем, где можно пострелять, заработать оружие, героев, выполнять разные миссии, которые делают из меня героя. В жизни я ничего не могу. Меня не понимают. Даже мой собственный брат. Я живу в придуманном мире, не хочу выходить на улицу, разговаривать с людьми, доказывать кому-то, что я хороший, что мне обидно, если меня толкнуть или обозвать. Если бы хоть кому-то это было интересно. Брат, бесчувственный эгоист, мама сейчас слишком занята разводом, отец... о, боюсь, он скажет: «А ну, не ной!». Дедушка работает на двух работах: в дневной охране и в ночной – сутки через трое. Бабушка... Моя бабушка до сих пор со мной сюсюкается. Не дай Бог начать с ней говорить по душам. Она половину не дослушает и сунет мне в рот сладкий блинок. Так что по душам я говорю только с Альфой. Она молча выслушает мои попытки заинтересовать публику своим красноречием, как видеоблогер «Сней» или «Юрий Янив», или, как я себя в тайне называю «Никос 2000». Когда подрасту, создам свой канал. Буду выкладывать прохождения игр, добавлять подписчиков, зарабатывать деньги и славу. Тогда я всем докажу, что я не странный, а крутой игрок и разговорчивый веселый пацан. А пока Альфа моя первая «Лайка».

Я играю в «Stand of» по сети с Саней. Из моей комнаты доносятся то радостные возгласы, то отчаянные. То я побеждаю, то меня убивают. Хорошо, что можно начать заново.

За окном семь вечера. Артем на улице со своей компанией. Их, в основном, шесть друзей гуляют. Но бывает, к ним присоединяются пятнадцатилетние девчонки из соседней улицы. Как раз сейчас они проходят мимо нашего высокого металлического забора с громкой зажигательной музыкой из Артеминой колонки. Они идут толпой из десяти человек, весело смеются и даже подпевают. Они опять пошли к заброшкам. Заброшками мы называем заброшенную военную часть времен восьмидесятых – девяностых, когда здесь тренировали летчиков, парашютистов. Тогда часть была действующей, и военные благополучно здесь служили и жили в общежитиях-казармах. Молодежь облюбовала заброшенный район и рушит окончательно когда-то благополучные строения. Я несколько раз проходил мимо этих страшных построек, гуляя с Альфой. Мне было интересно, почему ребята сюда ходят, что видят. Я гуляю там днем, не один – с собакой. Одному как-то страшно. Вообще, территория летом напоминает аллею. Всюду растительность, деревья. За шлагбаумом висит знак «Проезд запрещен», рядом табличка с требованием, не входить в запретную зону. Но асфальтированная дорожка не прекращается, как бы приглашая прогуляться, как в городском парке – не хватает скамеек по сторонам. На протяжении ста метров справа и слева за густой растительностью виднеются эти бедолаги-здания, двухэтажки, обшарпанные, разукрашенные граффити. Внутрь я заходить не решаюсь. Альфа-шалапайка, бесстрашная, как и мой брат, все время тянет меня туда, но мне хватает сил выдернуть ее любопытный нос из широкого бездверного проема. Я не готов еще к подвигам. Да ну! Вдруг все рухнет, или кто-то оттуда выйдет. У меня разорвется сердце, я не экстрасверт. Люблю геройствовать в своей комнате.

Я с разочарованием отошел от окна, когда за поворотом увидел их фигуры на темнеющей улице. Весело им, а я сижу тут и в «Stand of» рублюсь целый день. Конечно, бабушка мне мешает периодически и очень настойчиво: то поесть зовет, то попить каждые два часа. Она, наверное, будильник там, на кухне, заводит, чтобы точно не опоздать. Пирожки с мясом, с творогом, повидлом. Я, видите ли, худенький. С моей бабулей я не успеваю ни проголодаться, ни ощутить ход времени. Даже раздражает часто – всякий раз. И ведь не возразишь.

В семь спадает дневная жара, и я выхожу, как по расписанию, на прогулку с Альфиюшечкой, как ее ласково называет бабушка.

Моя бабушка, да и дедушка тоже – татары по национальности. Мама соответственно тоже. Папа – русский, а я – не определился. Артему, как всегда, все равно – он «и нашим, и вашим». В смысле: маме, бабушке, дедушке говорит, что он татарин и по-татарски активно лопочет. А я врать не люблю, татарским не увлекаюсь, говорю, как есть – вырасту и определюсь, чтобы не обидеть никого.

Только показался я с поводком, Альфуша радостно запрыгала – знает, сейчас гулять пойдем. Целый день на цепи, понимаю, я тоже вынужден сидеть на одном месте – дома, в Лямбире.

– Ай ты, бедная, дождалась? – поприветствовал я ее и присел на корточки рядом с ней, дал ей себя всего облизать. – Ну, сидеть, – приказал я, она послушно села. Процедура стандартная: я должен перецепить карабин у нее на ошейнике на поводочное кольцо. Удивительно, на цепи она шелковая, то есть послушная – команды выполняет хитрюга, выслуживается, чтобы не наказали – прогулку не отменили. Стоит только перецепить ее на поводок – эх, гуляй Вася! Ни слышит, ни смотрит, как в последний раз несется, а я за ней – бегу, грожу, злюсь, дергаю за поводок, даже больно рукам, но снова на следующий день иду с ней гулять. Надеюсь, что приучится она хорошо себя вести рано или поздно.

За забор, и понеслась.

– Альфа, фу, нельзя! Альфа, рядом! – дерг, дерг ее за поводок, грожу им, она пригибается – получала от меня. Пять секунд – опять забыла и в галоп. Все время торопится к одному и тому же месту на «нашей аллее» – рыть ямку под одним и тем же деревом, справа от дорожки. Что она там ищет? Мышей что ли? Но я рад, если честно, ведь там я могу спокойно постоять, не напрягаясь. Альфа занята. Вокруг слышен писк комаров, жужжание запозднившихся жуков. Где-то в вышине, в кронах деревьев, слышен треск. Наверное, птички укладываются спать, – думаю я. Они встают рано, правильно. Но я никогда не видел здесь птиц. Ни одной даже маленькой птички. Странно.

Стою лицом к обшарпанной заброшке. Не могу к ней спиной – жутко. Компания Артема прошла подальше – к четвертой заброшке, на левой стороне. Они часто там пропадают. Мне Артем запрещает приближаться к «их четвертой ЗБ». Наверное, курят там втихаря, думают, я не догадываюсь, а я знаю, видел у него в портфеле электронную сигарету. По телефону шифруются, «вейп» говорят, а я, как будто не знаю, для чего им этот «вейп». Перед сном парочку-троечку таких из рюкзака вытаскивает и начинает дымить-перепаивать аккумуляторы – из трех одну собирать. Спрашиваю, что делает. Говорит: «Бомбу».

Альфа яростно роет землю под огромной березой. Добралась до корней. Рычит и роет. Я улыбнусь, но неуютно как-то внутри. В метрах трехстах от нас какой-то старик с палкой в сером длинном плаще ищет грибы. Подберезовики, наверное, собирает, сыроежки. Они тут водятся. Повернулся, посмотрел на нас с Альфой, постоял-постоял и вглубь искать пошел. Исчез из поля зрения. Я повернулся вперед. Впереди стоит двухэтажка. В темных широких оконных проемах второго этажа, как будто кто-то за мной наблюдает. Я смотрю с замиранием сердца в пустые черные окна без стёкол. Чего только на ум не идет. Я сам себя накручиваю, понимаю, но ничего не могу с собой поделать. В следующее мгновение на втором этаже послышались шаги, как будто кто-то прошел по стеклам. Я бы успокоил себя тем, что это мне кажется, но Альфа тоже услышала это. Она перестала рыть и уставилась в черные окна, замерев на месте. Напряжение внутри меня нарастало. Я уже засобирился оттуда восвояси, но моя собака рванула в заросли вдоль этой подозрительной заброшки.

– Альфа, – только шикнул я, но она вырвалась от меня и побежала.

Мне ничего не осталось, как последовать за ней. Я нырнул в кусты, увидел, как скрылась за деревом рыжая спина моей собаки. Я к дереву вдоль правого корпуса здания. Куда это я разогнался? – затормозил я себя. Под ногами зазвенели осколки битого стекла, гнилые яблоки-

скороспелки, осыпавшиеся с яблонь. Медленно иду дальше. Близость к холодному заброшенному зданию меня выворачивала изнутри. По спине бегали холодные мурашки. Мои глаза и уши оценивали все вокруг, а ноги были готовы бежать без оглядки по первой команде. Дошел до бездверного входа, наверное, запасного. Открылся вид не из лучших. Внутри на стене красной краской кто-то написал: «Зона отчуждения». На другой стороне написано было: « Добро пожаловать в ад!». Везде по бетонному полу были разбросаны кирпичи, выдолбленные кем-то из стен, гнилые яблоки, источающие кислую вонь, полуразрушенная лестница без перил, ведущая вверх, к наиболее ужасным видам, наверняка. Пока я был увлечен разглядыванием интерьера смрадного объекта, почувствовал под ногами что-то мягкое и подпрыгнул от омерзения, похолодел до кончиков волос – под ногами оказалась издохшая курица, и я на нее встал. Не оглядываясь, я решил сваливать оттуда, борясь с приступом рвоты. Про Альфу я не забыл. Я подожду ее на выходе из «аллеи». Я бежал, громко хрустя стеклом, был встречен противными цепкими кустами, но самое страшное то, что за мной кто-то бежал. Я слышал шаги за спиной, громкое дыхание. Боковым зрением я виделдвигающиеся деревья или кого-то за ними. Наконец-то, я выбрался оттуда на дорогу, но все равно не мог себя заставить остановиться. За мной кто-то бежал. Я невольно крикнул и обернулся. Это была Альфа. Высунув язык, она бежала то ли за мной, то ли оттуда. Мы добежали до шлагбаума и спешились. Альфа перепрыгнула шлагбаум и встала. Я тяжело дышал и пристально смотрел на яблони, от которых мы бежали.

– Ну, Альфунь, от кого мы так сиганули? – вырвалось у меня все еще взволнованно, на частом дыхании.

Вокруг стало совсем тихо. Даже комары пропали. Неслышно было возгласов компании брата. Только поднялся ветер, и шелестели листья на деревьях. Я все смотрел на яблони. Мне казалось, там кто-то был. Провалиться мне на месте! Дерево раскинуло ветви и машет мне, зовет меня. Я попятился назад, не веря своим глазам. В следующее мгновение побежал к дому. Альфа бежала впереди меня.

Дом наш был недалеко, в километре от «аллеи». Мы добежали быстро. Я открыл калитку, пропустил собаку вперед, сам вошел следом и запер калитку на ключ, который лежал под крышей Альфиной будки. Прицепил Альфу и сел с ней рядом на поддоны.

– Альф, что это было сейчас? – рассуждал я, держа голову руками. – Я видел живое дерево. Я, сумасшедший. Надо спросить у бабушки, есть ли сумасшедшие в нашем роду. Может, я слишком много играю в видеоигры и у меня перегрелась крыша. Так бывает. А, я – фантазер. В бабушку, наверное. Она тоже сказочница. На каждом шагу придумывает байки, сказки. У писателей бурная фантазия. Надо будет написать когда-нибудь об этом сказку. Когда-нибудь. Когда меня выпустят из дурдома, – снова расстроился я, вспомнив, как меня манило дерево. Кажется, я даже видел его корявое потрескавшееся лицо. Оно изгибалось, изображая крик. А может, это было всего лишь дупло? – Все, Альфа. Мы с тобой не гуляем больше. Хозяин спятил. По крайней мере, надо время, чтобы прийти в себя, убедить себя, что все это мне показалось. – С этими словами я потопал домой, оставив Альфу наедине со своими мыслями на этот счет.

– Главное, никому об этом не говорить, – сказал я себе, разуваясь на крыльце.

Мимо бабушки не пройдешь незамеченным. Лестница на второй этаж проходила через гостиную, а гостиная была совмещена с кухней. Так что я попытался не скрипеть, когда поднимался, но не вышло: четвертая ступенька, как всегда предала – противно скрипнула.

– Никитка. Никитка, руки помыл? – остановила меня бабушка.

– Нет, – спиной ответил я ей, замерев на месте.

– Пойдем, помой на кухне, и перекусим, – протараторила бескомпромиссно моя татарская бабуля. – Я позвонила Артемке, сейчас тоже будет.

– Сейчас, через час, – пробубнил я, купая руки под струей теплой воды.

Сели за стол. Бабушка раскрыла передо мной глиняный горшочек с пшенной кашей, вытащенной из духовки, приготовилась накладывать мне в тарелку.

– Бабушка, – спросил я неожиданно, – а почему военную часть забросили?

– А кто его знает? Поговаривали, что тут много человек начало умирать, неизвестно, почему.

– Что значит «тут»?

– В части в этой. Солдаты, офицеры. Начали помирать, и все.

– А почему?

– Почему, неизвестно. Приезжали ученые, военные, исследовали, преследовали, а ничего не выявили. А через полгода закрыли часть. Резерв, говорят, теперь.

– Бабушка, а когда закрыли часть, никто не умирал больше?

– А кому умирать? Часть пустая. В ней не живет никто.

– Ну, ничего странного больше не происходило?

– Нет, вроде. Хотя сосед наш Касим-абы, ты знаешь его, через три дома от нас живет.

– Ветеран?

– Да, ветеран, он контуженный с войны еще, да и лет ему уж под девяносто. Когда он моложе был, рассказывал, что грибника одного и того же видит возле берез. Что тот, мол, тоже фронтовик, что ищет не грибы, а свои медали.

– Как медали?

– Медали. Что у него, мол, украли медали здесь. Солдатики. Ищет он их теперь.

– Так медали или солдат тех?

– Кто его знает? Ты давай, ешь, остыло уже. Еще раз наберу старшему.

– Бабушка, а ты не придумываешь?

– А ты испугался что ли? Не было его, грибника этого. Касим-абы контуженный был, чудилось ему. Никто, кроме него, никаких грибников-фронтовиков не видел. Забудь.– Бабушка начала тыкать на кнопки своего телефона. – Никогда не бойся того, что кажется. Люди пострашнее будут.

Дальше она уже ругалась на Артема в телефон, а я задумался. Я тоже, что ли контуженный, или соседский. Я видел грибника. В сером плаще, с палкой. Он на меня еще смотрел долго, а потом исчез. Нет, я больше ни ногой туда. Прости Альфа, надеюсь, ты меня поймешь.

Артем пришел через пять минут. Ему всегда нужно говорить несколько раз. Первые слова он считает предупредительными, значит, есть вторые и по голосу он уже выясняет, где потолок терпения родителей. Может, на нем на всю жизнь остался отпечаток именуемый: «Артем раз, ...два, ...три». Цифра три всегда на него действует магически. С первого раза он с тех пор и не понимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.